

Г Л А В А IV

РОЖДЕНИЕ ДЕГОЛЛИЗМА

18 июня 1940 г. генерал де Голль призвал французских солдат, которые находились или могли оказаться на территории Англии, сражаться бок о бок с союзниками Франции.

Ему ни на минуту не пришла в голову мысль о возможности оказания сопротивления врагу внутри страны 26 июня он говорил «Наши вооруженные силы, возрожденные вдали от родины, объединившись с вооруженными силами наших союзников... вернутся победоносными на родную землю».

28 июня он произнес по лондонскому радио-слова, в которых мы теперь, по прошествии определенного времени, можем ясно увидеть основную черту его характера—его безудержное честолюбие. Но в то время для многих это выглядело совсем иначе французский генерал, пробывший на посту заместителя министра несколько дней, большую часть которых он находился в Лондоне, клеймил капитуляцию. Он звал французов в бой. Вот что французы слышали в воззваниях де Голля, и патриотизм их был настолько велик, что даже самые искушенные, самые недоверчивые видели тогда в его словах только патриотический призыв.

Но призывал ли генерал де Голль французов сражаться рядом с ним? Нет, он призывал их сражаться *под его командованием*.

«Де Голль сам себя назначил!» — говорил Франклин Рузвельт. И это действительно так.

«Обязательство, которое взяло на себя британское правительство, — говорил де Голль 28 июня, — признав в моем лице вождя свободных французов, имеет большое значение и глубокий смысл... Я решаю следующее:

я принимаю под свою власть всех французов, которые находятся на британской территории или могут оказаться на ней в будущем...»

С этого дня, то-есть с 28 июня 1940 г., до своей отставки он не позволял никому покуситься на «власть», присвоенную им с согласия английского правительства.

Мы видели, с каким упорством он за нее боролся, и средства, используемые им в этой борьбе, свидетельства о том, что он опасался любого намека на чей-либо престиж, способный соперничать с его собственным.

Не надо забывать, что главой «свободных французов» в июне 1940 г. стал автор книги «На острие шпаги».

На всем протяжении его карьеры честолюбие его очевидно. В этом—ключ к его поведению, точнее, к чередующимся линиям его поведения.

Несомненно, что препятствия, выдвигавшиеся историей на его пути, заставляли де Голля менять свою позицию и придавать ей внешне менее диктаторский характер

В июле де Голль по несколько раз повторял, что он «не будет заниматься политикой».

Августовское соглашение, заключенное между Черчиллем и де Голлем, носило военный и финансовый характер!. В этом соглашении указывалось, что «генерал де Голль приступает к созданию французских вооруженных сил, состоящих из добровольцев».

Во втором абзаце этого соглашения подчеркивалось, что «эти вооруженные силы никогда не обратят оружие против Франции».

Де Голль мог бы быть главнокомандующим этих войск, если бы не предпочел променять свое звание военачальника на пост премьер-министра. Чрезвычайно характерно, что политика, к которой он относится, якобы, с беспощадным презрением, привлекает этого генерала больше, чем действительное командование французскими войсками. Во всех комбинациях, которые впоследствии строились в Алжире для того, чтобы как-то разрешить соперничество между Жиро и де Голлем, сторонники де Голля — факт многозначительный — стремились неизменно к такому решению: де Голль — председатель совета министров, Жиро — главнокомандующий

Но что означают в соглашении слова «против Франции»? Возможно, что такая формулировка могла быть продиктована желанием избежать обвинения в братоубийственной войне, которое не преминули бы пустить в ход предатели Франции.

Однако эта формулировка оказалась неприменимой в плане военном, и фактически ее не придерживались мы это видели в Сирии¹, мы это видели в Дакаре² — единственной и злосчастной личной инициативе де Голля в плане военном.

Правда, в конце сентября 1940 г. было объявлено, что «генерал отвел *свои* суда и *свои* войска, не желая принять участия в сражении между французами» (обратите внимание на притяжательные местоимения). Но сражение это все же состоялось!

Таким образом, мы видим, что слова «не обращать оружия против Франции» имели в основном политический, а не военный смысл они означали, что мосты, соединявшие де Голля с представителями Виши, не были взорваны.

Факты говорят сами за себя.

Нет нужды цитировать документы Каждый из нас помнит гнев, который он испытывал, когда лондонское радио защищало маршала Петэна. В своем выступлении от 26 июня генерал де Голль, отметив военную ответственность Петэна, постарался преуменьшить политическую ответственность этого предателя «Вам внушили, господин маршал, — сказал он, — что Франция с честью выйдет из этого перемирия».

Только в Алжире, в период соперничества между Жиро и де Голлем, последний, стремясь сохранить поддержку со стороны французского движения сопротивления, нападает или, выражаясь точнее, заставляет других нападать на Петэна, чьим адъютантом он был так долго и кого впоследствии он помиловал.

¹ В Сирии в июле 1941 г войска «Свободной Франции», вступившие туда вместе с английскими частями, встретили сопротивление со стороны вишийских сил (*Прим. ред.*)

² В Дакаре (Зап. Африка) военные корабли «Свободной Франции» были встречены огнем вишийских батарей и вынуждены были отступить (*Прим. ред.*)

Отметим кстати, что алжирское радио действительно выступало с нападками на «легенду о Петэне», но, когда однажды один из выступавших у микрофона ораторов захотел разоблачить связи Петэна с кагулярами, передача была тотчас же прервана. И оратор узнал, что значит выступать против полковника Пасси и его друзей!

Позиция, занятая де Голлем в отношении генерала Вейгана (хотя и говорят, что он его недолюбливает), тоже выявляет его упорное нежелание поставить вопрос о предательстве генералов.

* * *

Только 27 октября 1940 г., в письме, адресованном Черчиллю, де Голль упоминает о «новой власти», во главе которой он намеревается стать. Так в душе постоянного сотрудника «Аксьон франсэз» бригадный генерал уступил место «честолюбцу первого ранга». «Большой авантюрист, всецело занятый своей собственной авантюрой и меньше всего спасением своей страны», — сказал как-то о нем даже Черчилль.

Однако Черчилль, в известном смысле, был неправ. В самом деле, так же, как петэновская авантюра могла рассчитывать на успех лишь при условии победы Германии, так и деголлевская авантюра могла благополучно завершиться лишь при условии поражения Германии. Честолюбивые замыслы Петэна совпадали с гитлеровскими планами. Честолюбивые замыслы де Голля строились на игре на французском патриотизме. И если петэновская профашистская политика уже одним фактом противоречия с национальными чувствами французов была обречена на провал, то деголлевский авторитаризм мог рассчитывать на успех, так как де Голль играл на патриотических чувствах, оскорбленных поражением 1940 г и пактом, заключенным в Монтуре¹.

Как это ни неприятно де Голлю, но этими патриотическими чувствами в наше время обладают, прежде всего, рабочий класс, простые люди, демократы.

¹ Во время свидания Петэна с Гитлером в Монтуре 24 сентября 1940 г. были заложены основы предательского «сотрудничества» в экономической и политической области между Виши и немецкими оккупантами (*Прим. ред.*)

Поддержка народа, которая возвысила его и без которой он был бы ничем, привела де Голля волей-неволей к республике. В один прекрасный день он демонстративно вышел в отставку, взбешенный тем, что он всего лишь первый гражданин этой республики.

Республика продолжала существовать, восстановленная не де Голлем, а вопреки воле де Голля, защищаемая не де Голлем, а от де Голля.

Говоря в октябре 1940 г. о «новой власти», генерал не имел в виду новую республику. Он слишком глубоко проникнут презрением к народу, чтобы разделять это стремление к республике с «массой», как он презрительно говорит, забывая, что эта масса — масса героев.

Ничто не свидетельствует так хорошо о его мании величия, как один небольшой эпизод из его жизни когда поезд, который привез де Голля в декабре 1944 г. в Москву, остановился, генерал, ко всеобщему удивлению, не вышел из своего купе. Дипломаты недоумевали. Наконец, генерал появился на площадке Заиграли «Марсельезу», раздались приветствия.

Что же вызвало эту любопытную задержку?

А дело было вот в чем: дипломатический протокол требует от министра иностранных дел страны, которая принимает главу другого государства, чтобы он поднялся к нему в купе и поздравил его с прибытием. В том же случае, когда дело идет о председателе совета министров, протокол требует, чтобы министр иностранных дел принял своего гостя на платформе вокзала.

Премьер временного правительства полагал, что его примут как короля, и обиделся, когда его приняли только как Уинстона Черчилля. Это было в то время, когда Ф.Ф.И.¹ сражались в Эльзасе, а русские — у границ Германии.

Существует такой старый обычай у кагуляров — брать себе имя какой-нибудь станции метро: Девав-

¹ Этими инициалами обозначаются французские внутренние вооруженные силы (Forces Franchises de l'Interieur), то-есть вооруженные отряды созданной в условиях подполья патриотической армии в отличие от отрядов, образовавшихся в эмиграции, и колониальных воинских частей, находившихся под общим командованием генерала де Голля. (Прим. ред.)

рен — это Пасси; Морис Дюкло — это Сен-Жак, другие называют себя Корвизар, Бьенвеню и т. д., но есть одна станция, имя которой внушает окружению генерала, да и самому генералу, непреодолимое отвращение, это станция «Республика»¹.

Давно отсутствовало это слово в выступлениях де Голля, так же как оно отсутствовало всегда в его мыслях. Перечитайте его воззвания 1940 г в то время, когда немецкие захватчики навязывали Франции фашизм, когда гражданские свободы были уничтожены. Де Голль призывает сражаться за Францию, он не произносит слова «республика».

И недаром в своих выступлениях у микрофона радиовещательной корпорации де Голль отменил республиканскую формулу «свобода, равенство и братство».

Это было предложено на «административной конференции» — этом зародыше будущего правительства — генералом де Лармина, который в своих выступлениях требовал уничтожения во Франции «всяких следов республики».

Нельзя считать простым совпадением то, что газета «Франс», издаваемая в Лондоне Комером и сохранившая республиканский лозунг в виде подзаголовка, находилась в постоянной немилости у правительственных органов «Свободной Франции» Комер получил замечание от службы информации генерала де Голля за то, что в заголовке одной из статей он написал «Маркс Дормуа убит кагулярами»².

Нельзя объяснить рассеянностью то, что праздник 14 июля в условиях оккупации деголлевское радио от метило, даже не упомянув слова «республика», столь неприятного для слуха де Голля. Ведь надо же умудриться отпраздновать 14 июля, не сказав ни слова о республике!

Не случайно сам генерал проронил слово «демократия» лишь спустя двенадцать месяцев после своего прибытия в Лондон.

¹ Название станции парижского метро на площади Республики (Прим. ред.)

² Маркс Дормуа — бывший министр внутренних дел; социалист - антимюнхенсвец 26 июля 1941 г был найден убитым в своей комнате. (Прим. ред.)

Не без основания два видных роялиста, в которых больше не нуждался 2-й отдел Управления военно-морского флота, были прикомандированы к Б.С.Р.А.¹ Первый — это Валентин Смит, хваставшийся своими дружескими отношениями с графом Парижским и назначенный де Голлем губернатором заморских территорий. Другой — это де Лессепс², живший в Алжире вместе с Дие-тельмом.

Впрочем, все близкие генералу де Голлю люди — реакционеры и, как правило, монархисты.

Однако «великие» люди предполагают, а народы полагают. И именно эта необходимость в поддержке со стороны народа заставила де Голля внешне перестроиться и пойти по другому пути.

В июле 1941 г., наконец, он произнес впервые слово «демократия», произведя сильнейшую сенсацию в лондонских газетных кругах.

И чем шире развивалось движение сопротивления, тем заметнее вынужден был де Голль «обращаться в веру республиканскую».

Однако все же, чем сильнее укреплялось движение сопротивления во Франции, тем старательнее начинало изощряться окружение де Голля в стремлении расколоть, ограничить это движение и взять его под свой контроль. Чем сильнее сплачивались внутри Франции республиканские силы, тем энергичнее становилась деятельность заговорщиков, создававших на чужбине власть, которую они стремились и стремятся навязать Франции.

Из разрыва между подлинными патриотами и деголлевцами постепенно вырастали будущие противоречия между демократическими силами Франции и Р.П.Ф.

Движение сопротивления было сосредоточено исключительно на задаче изгнания врага. Именно движение со-

¹ Bureau Central de Renseignements et d'Action (В. С. Р. А.) — «Центральное бюро военного осведомления и действия», то-есть бюро разведки, созданное де Голлем в Лондоне и возглавлявшееся его ближайшим приспешником — полковником Пасси. (Прим. ред.)

² Граф Поль де Лессепс — сын известного французского инженера — строителя Суэцкого канала. Во время второй мировой войны сотрудничал с немцами. (Прим. ред.)

противления ясным выражением своей воли положило конец соперничеству между Жиро и де Голлем.

«Наш Национальный комитет,— вынужден был заявить сам де Голль,— получил свою власть в результате свободного одобрения его французским народом и благодаря полномочиям, предоставленным ему политическими группировками, которые на территории Франции объединяют французские массы в движение сопротивления».

Но официальный орган деголлевского движения, газета «Марсейез», издаваемая Килиси, писала 24 января 1943 г. относительно высадки американских войск в Алжире «Среди французов есть убитые Они считали, что умирают за *наш* (то-есть деголлевский. — *Ред.*) идеал. Боюсь, что они погибли напрасно».

Это было равносильно признанию, что освобождение Франции не интересуется деголлевцев, если оно не приведет их к власти.

В этих нескольких строках заключается полное объяснение «деголлизма».